

Лилит Мазикина

Сборник рассказов

Лилит Мазикина
Сборник рассказов

«Издательские решения»

Мазикина Л.

Сборник рассказов / Л. Мазикина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962120-7

Сборник реалистических рассказов писательницы. Мария и война. Море Иванки. Роковые тапочки. Платье. Белый мальчик. Примечание: рассказы на цыганскую тему в этом сборнике даются без этнографических примечаний.

ISBN 978-5-44-962120-7

© Мазикина Л.

© Издательские решения

Содержание

Мария и война	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сборник рассказов

Лилит Мазикина

© Лилит Мазикина, 2019

ISBN 978-5-4496-2120-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мария и война

В Лемберге крыши круты,
в Лемберге улочки гнуты.
По крышам гуляют кошки —
охотятся на голубей.
В Лемберге чудо-погода.
Марии скоро два года.
Мария глядит в окошко
глазами нет голубей.
Няня над вышивкой дремлет —
будто пастору внемлет:
клонит голову, мелко
седою трясёт косой.
Марие на фартучек новый
капает сок вишнёвый.
На горку ягод в тарелке
падает луч косой.

Мария родилась на десять лет позже века, и, значит, была на десять лет младше своего брата Павлуся. Она всегда, всегда, всегда знала, что она — чудесная девочка, и что вокруг неё всё чудесное, так же просто, как дети в других семьях знали, что отец утром уходит на завод или что курам надо давать зерно. Мария знала, что у неё кудряшки — просто золото, что щёчки — как яблочки и что все её любят. Нянюшка перешла Марии от Павлуся по наследству; она уже Павлусю досталась старенькая, а Марии и подавно, и нянюшку надо было жалеть. Но иногда было трудно, потому что хотелось на неё сердиться.

Вот уже несколько дней окна в детской не отпирались и были задёрнуты плотными портьерами, за которые нельзя было заглядывать ни в коем случае. Гулять Марию тоже не водили, хотя Павлусь гулял целыми днями, как хотел. Раньше, если Марию не пускали гулять, ей совали в утешение пряничек или конфетку, но теперь ничто не скрашивало печальное сидение в полутёмной детской.

— Няня, а когда я совсем крошечкой была, ты меня пускала на окно, — пожаловалась Мария. — И не боялась, хотя я могла свалиться.

— А то ты большая стала, паненка, — противно поддразнила няня. — Сейчас другое дело. Сейчас пули лупят. Если тебя прийдёт, что я, бедная, делать буду? А папенька? А маменька? Надо о них думать.

— На крыше голуби ходят, — возразила девочка. — Я их отсюда слышу. Когда стреляют, они не курлыкают.

— Сейчас не стреляют, потом снова стрелять начнут. Голуби улететь успеют, а у тебя крылышков нету. Поиграй, паненка, с куклой и с мишкой.

Мария очень рассердилась на няню, и потому назло стала играть в войну. Мишка был австрийский солдат, а кукла Аня, привезённая когда-то из Санкт-Петербурга, стала россий-

ским солдатом. Они друг в друга стреляли – бах! бах! – и по очереди падали, сражённые. Так Павлусь играл в своих солдатиков, пока ещё не стал таким длиннющим.

Была бы мама дома, можно было бы её попросить почитать; но мама была у своей тёти, которая сильно болела. Мама за ней ухаживала, а папа был в госпитале, оперировал. Мария положила куклу Аню и накрыла её носовым платком, а рядом поставила мишку: теперь они были врач и раненый, и врач вынимал из раненого пули, чтобы тот поскорее выздоровел.

Эта игра няне нравилась больше, Мария видела по сморщенному маленькому лицу. Но девочка уже перестала злиться, так что игру не прекратила.

Снизу бухнула входная дверь. Няня насторожилась и вдруг приложила палец к губам. Мария и сама поняла, что что-то не так. Ни папа, ни мама, ни Павлусь так с дверью не обращались. Потом же папа всегда кричал снизу: «Доброго вечера, я дома!», а Павлусь начинал бегать по дому. Тот же, кто бухнул дверь, стал подниматься по лестнице тяжёлыми и медленными шагами: бух, бух, бух. Иногда он останавливался, словно пытался услышать, есть ли кто в доме живой.

Нянюшка, перекрестившись, посадила Марию на разобранную всё ещё постель, за подушку, и сверху кинула одеяло. Она ничего не сказала, но девочка опять сама поняла, что надо сидеть тихо.

Тот, кто поднимался по лестнице, остановился перед дверью в детскую, а потом вошёл. Нянюшка вскрикнула.

– На кровать... дай лечь мне, – с трудом сказал голос, и знакомый, и незнакомый. Мария чуть отвернула край одеяла, чтобы поглядеть, и увидела Павлуся. Всё лицо у него было мокрое, ко лбу прилипли волосы и только начавшие пробиваться усики склеились над побелевшими губами. Он был в своей обычной гимназической форме, и она тоже была мокрая – в некоторых местах. Няня подхватила Павлуся под руку и повела его к кровати, где Мария сидела. Брат тяжело лёг на простыни прямо в одежде, и девочка, опомнившись, скинула с себя одеяло.

Павлусь поглядел на неё и ничего не сказал.

– Братик, тебе плохо? – спросила девочка. – Может, тебе воды принести? Хочешь?

– Хочу, – сказал Павлусь так тихо, что Мария еле слышала.

– Скорее, няня, неси воды, – повелительно крикнула девочка. – Сейчас, Павлусь. Дай я вытру тебе лицо.

Она поискала платок, но платок остался на кукле, и тогда девочка вытащила край простыни и стала промокать бледное лицо брата простынёй. Вошла няня с водой, и Мария потянулась за стаканом, и увидела, что платье у неё испачкано вишнёвым соком. Потом она подумала, что не ела вишню, а потом поняла, что это – кровь Павлуся, и от страха и неожиданности заплакала. Няня отодвинула девочку и стала поить Павлуся, поднимая ему голову, но тот не глотал, и вода текла по подбородку и стекала на ворот гимназической формы.

Няня увела Марию вниз и оставила там одну, и Павлусь умер без неё.

Путь от Лемберга до няниной сестры под Проскуровом был такой длинный, что Мария успела отудивляться, почему она вдруг едет с няней из Лемберга, поссориться с няней на вокзале, в ожидании одного из душных, тесных, страшных своей забитостью поездов – девочка кричала, что старуха украла её у родителей, и даже ударила пару раз – зарыдать, услышав, как няня тихо, в сторону, объясняет, что девочка не знает, что сирота, отрыдаться, отмолчаться, помириться с няней и очень устать. Всё время хотелось сладкого. Няня в дороге давала только хлеба, сала и кислых твёрдых яблок. Марииных вещей она почти никаких не взяла, потому что была старенькая и не могла нести много, и Мария росла и скоро обязательно бы выросла из всей одежды. Так что приехали няня и Мария к няниной сестре, такой же маленькой и кроткой старухе, с одним уже почти совсем пустым чемоданчиком, где лежало пропахшее салом покрывало, в которое Мария заворачивалась в дороге, две зубные щётки, обмылок, расчёска, нянины очки в зелёном футляре, кукла Аня, ни разу не вытащенная в дороге смена белья и платья и немного соли и спичек. Так няня понимала самые необходимые вещи.

Нянину сестру звали Олеся, а саму няню, оказывается, Катрей. Мария теперь должна была звать их бабушками. Бабушка Олеся натаскала и нагрела воды, и Марию помыли в деревянной ванночке прямо на полу маленького домика, где бабушка Олеся и жила и должны были жить теперь Мария и бабушка Катря тоже. Если бы Мария была такой же маленькой, как раньше, ей бы всё стало здесь интересно, всё бы она обсмотрела и обо всём бы спросила. Но теперь она была большая и сирота. Она помылась жёстким мочалом и обмылком, дала промыть себе голову почти что кипятком и молча, закрыв глаза, терпела, как ей вычёсывают ото вшей и гнид волосы.

Зато теперь она узнала, что мама с папой умерли от лихорадки, потому что это сказала бабушке Олеся няня. И что с мамой умер ребёнок, которого она «носила» (няня, конечно, спутала, потому что ребёнок был у мамы внутри, а на руках она очень давно никого не носила).

Жить у бабушки Олеси было скучно. Надо было делать много разных вещей, и все эти вещи были непонятными и не получались, но делать их всё равно было надо. Надо было мазать хату, и белил не хватило, и с одной стены хата осталась серая. Надо было работать в огороде, то что-то сажать, то рыхлить, то дёргать одни былки между других, и смотреть, чтобы не спутать, какие дёргать, а какие оставить – а то еды потом не будет. Надо было с утра кормить птицу, это получалось лучше. Надо было мыть и стирать. Надо было ещё носить воду и набирать хворост, но бабушки делали это без Марии, чтобы она не надорвалась. Только с вишнями во дворе делать ничего не надо было, они сами цвели, а потом сами стали растить на себе ягоды.

Ели плохо и мало. В семье не хватало мужика. Мария и не думала, зачем нужен в семье мужик, она просто сразу выучила и поверила, что без него нет еды.

Осенью бабушки справили Марии пиджак и боты, обменяв их на зарезанных уток в городе, на голову она научилась наматывать хустку, а на ноги поверх укоротившегося платья – плахту. Хустку и плахту дала из сундука бабушка Олеся. К осени девочке стало как будто полегче, и она научилась любить вечера в хате. Вечером зажигали лучиночку и делали такую работу, какую бабушки могли выполнить ошупью – грубую штопку, вязанье. В животе было тепло от нескольких ложек жидкого борща и ломтя хлеба. Мария забиралась на топчан, где ночью они все спали втроём, и слушала, как бабушки поют украинские песни. Дома няня их

не пела, и Мария раньше не знала, что они очень красивые. Иногда бабушка Олеся принималась рассказывать смешные сказки, Мария уже понимала, что она говорит, очень хорошо и над сказками внутри себя смеялась. Снаружи у неё не хотели разжиматься губы, и лицо оставалось неподвижным и напряжённым, каким было уже полгода.

Иногда Мария глядела на куклу Аню, сильно испачкавшуюся и обветшавшую, и думала, что теперь, наверное, не такая красивая девочка, как раньше. У неё не было зеркала, чтобы посмотреть, голубые ли у неё всё ещё глаза, а волосы, когда она их расчёсывала в полутёмной хате, казались серыми. Мария могла точно видеть только то, что руки и ноги у неё делаются странно длинными, как когда-то они удлинялись у Павлуса, делая его похожим на косиножку. Теперь в косиножку превращалась Мария.

Осень в деревне была очень противной, а зима – очень холодной. Перед Святками бабушки сказали, что будут колядки, и много, вкусно рассказывали о том, как колядовали, когда были дивчинками. Но колядок не было, хотя в селе не голодали. Кругом всё ещё была война и не хотела кончаться. В конце лета из-за войны бабушки и Мария несколько раз ходили прятаться в балку.

На Рождество испекли пирог, размочив для начинки сушёную на солнце вишню. Когда летом Мария низала вишню, чтобы развесить для сушки, и пальцы её блестели от красного сока, ей было дурно и казалось, что никогда в жизни она не возьмёт в рот ни ягодки, но пирог ей понравился.

Вторая зима прошла так же.

Пришла весна. Была она такая же мокрая и противная, как осень. Бабушки стали слабее за зиму, а Мария – сильнее, и её стали посылать за хворостом. Мария набирала его в балке, там густо росли деревья и кусты. Ходить по балке весной было трудно, растаявший снег и дожди размыли землю, она была скользкая, и всё время можно было упасть в большой бочаг, налившийся на дне балки. Чулки изодрались и пришли в негодность, Мария ходила без них, и торчащим из-под плахты ногам было особенно холодно.

Однажды, когда девочка ломала на хворост кусты в балке, в воздухе ухнуло. Она вздрогнула, оскользнулась и чуть не упала лицом на кусты. Выронив хворост, она заслонила лицо руками и отшатнулась. Мокрая земля совсем ушла у неё из-под ног, девочка упала навзничь и ударилась головой о камень или старый пень – обо что-то твёрдое под грязью. Она потеряла сознание, а, когда очнулась, совсем заоченела, только лицу было немного тепло: в него дышал, поскуливая, огромный лохматый пёс. Мария села с трудом и болью и увидела, что почти что упала в бочаг и что пса она знает, он был соседский и звали его Дурень. На шее у него не было ошейника, только стёртая шерсть на этом месте. Он весь дрожал. Мария положила его рядом и обняла рукой и ногой, чтобы согреться. Пёс не сопротивлялся. Потом они оба встали, Мария подобрала несколько веток, и девочка с собакой пошли в село.

В селе было тихо. Две другие соседские собаки вылезли из-под плетней и подошли к девочке с Дурнем. Девочка прошла через всё село, шатаясь от боли и лихорадки, и почти вошла в свою хату, как увидела, что кто-то повесил на соседних воротах старух – бабушку Олеся и бабушку Катрю. Через село прошли бои, а старухи, ослабев, не ушли.

Может быть, подумала Мария вяло, это так суждено, чтобы все умирали без неё.

Постепенно сошлись селяне, прятавшиеся от пушек, пуль и сабель. Они стали собирать мертвецов, своих и чужих, и застреленных собак. Робко возвращались в село и птицы, надеясь на корм. Селяне уже привыкли, что воюющие всё отбирают, и часть еды припрятывали, закапывали тут и там. Соседи, чей пёс был Дурень, оказались убиты все. Их дом взял себе кто-то из родственников. А дом бабушки Олеси и бабушки Катри выменяла на Дурню и узелок еды Мария. Она решила идти в Проскуров, чтобы найти там приют. Сама она держать хозяйство не могла и одна погибла бы с голоду. Вещей было не взять никаких – всё уже взяли те, кто прошли через село. Взяли плахты и скатёрку из сундука, и бусы, которые лежали там же, взяли всю еду, что была на виду. Мария подобрала только коробочку с документами и портретными карточками, куклу, гребешок и рогожку. Единственная овчинная безрукавка была на ней, боты тоже были на ней, так что она готова была идти в путь. Мария завязала верёвку на шее у Дурни и повела его.

Смерть обходила её, и бандиты с насильниками не глядели в сторону маленькой, закутанной в лохмотья селянки, почти неразличимой среди унылых пейзажей военной весны. Девочка спала с собакой в обнимку. Питался Дурень сначала её хлебом, а потом она отвязала его, попросив не убегать, и он стал питаться сам – ловил себе каких-то зверьков или птичек, пока Мария шла потихоньку. Она очень быстро стала грязной, потому что не пробовала умыться. Ей было тяжело идти и тяжело вставать после сна, она вся простыла и дрожала. Иногда она привязывала узелок с вещами на спину Дурню, и он послушно нёс его. Пёс жалел девочку и жалел себя, потому что остался сиротой. Ночами он тихонько скулил.

В Проскурове приюта для бездомных девочек не было, и Дурню там было нечего есть, так что Мария ушла из города. Она шла в Киев по подсказкам людей. Шерсть на овчинной безрукавке, которую носила она поверх пиджака, слиплась от грязи, и всё на Марии было очень грязным, словно в грязь её завернули, как селёдку в лавке в бумагу. Еду она ела понемножку, но всё равно последние три дня до Киева голодала – всё кончилось, а просить у людей девочка не догадалась. Утром перед тем, как Мария вошла в Киев, Дурень принёс ей целого растерзанного голубя, но девочка не смогла его съесть, так что его сожрал пёс.

Когда она пошла по Киеву, все оглядывались, потому что она снова надела Дурню на шею верёвку и вела за собой, как козу или корову. Она шла наугад, не понимая уже, что тут ищет.

Вдруг Мария увидела мальчиков тех лет, каких был Павлусь, когда умер. Они сидели вчетвером на скамейке и ели хлеб и селёдку. Мария встала напротив них, не в силах отвести взгляда от еды. Дурень сел рядом с ней на булыжник и тоже смотрел на хлеб. Мальчики засмеялись, глядя на них, и стали спрашивать, что умеет собака. Потом один из них, чернявый, с очень большими глазами, спросил по-русски:

– Вам плохо?

И тогда Мария подошла к нему и молча протянула свободную руку. Она сама не знала, как это вышло у неё так просто и естественно. Мальчик, кажется, понял всё сразу. Он кинул корку от своего хлеба псу, а остаток селёдки – небольшой кусочек, который он уже отодрал от кожи и костей – положил в руку Марии, и девочка положила рыбу в рот и стала сосать. Когда у неё вышло рассосать и проглотить селёдку, один из мальчиков дал ей плоскую бутылку, и внутри оказалось что-то вроде тёплого сладковатого чая. Мария потихоньку выпила почти половину бутылки и сказала по-украински:

– Простите, пожалуйста, я грязная. Я не знаю, но, кажется, я не заразная.

– Да это девочка совсем! – сказал другой мальчик. – Сколько тебе лет?

Мария не понимала. Тогда чернявый спросил по-украински.

– Наверное, мне десять лет. Я сирота. Меня зовут Мария, – сказала тогда девочка. – Это мой пёс, и он тоже сирота.

Мальчишки загалдели, а потом сказали Марии идти с ними. Им пришлось идти пешком, потому что в трамвай не пустили бы собаку.

Они пришли в какое-то присутствие, где кругом бегали и галдели люди, и Марию мутило от шума и усталости. Мальчики тоже стали бегать и кого-то спрашивать, потом довели Марию до двери и велели ей войти в неё. Девочка посадила Дурня и на всякий случай повязала ему на шею свою хустку – чтобы все видели, что он не бродячий, и не вздумали пнуть или турнуть его.

– Мы посмотрим за ним, ты не бойся, – догадавшись, сказал чернявый, и Мария вошла в дверь.

Там, за дверью, была большая комната, в комнате несколько столов. За некоторыми писали люди, а некоторые были пусты. У окна комнаты стояли двое, женщина с короткой стрижкой и в кожаной куртке и мужчина во френче, они курили и негромко говорили. Женщина поглядела на Марию и громко спросила:

– Чего вам? – и девочка пошла к ней через комнату. Она теперь твёрдо помнила, что должна попроситься в приют, и чувствовала облегчение от того, что помнит это и оттого, что дошла туда, где надо всё это сказать. Комната была очень длинная, и Мария шла долго, но в конце концов она дошла и сказала:

– Здравствуйте вам. Я Мария, мне десять лет, я сирота, и мой пёс тоже.

Сначала Мария лежала и выздоравливала, и Соня ничего не разрешала ей делать, только помогала ей мыться и расчёсываться. Потом Мария встала и стала подметать комнату, где они жили с Соней, и мыть полы; потом она научилась варить обед на дровяной плите и стала ещё мыть посуду. Она очень радовалась, что Соня такая добрая и что ей как раз перед встречей с Марией дали комнату в доме, так что Соня смогла взять Марию к себе.

Соня в Киеве тоже была неродная, она приехала с братом из Царицына, и ей было девятнадцать лет. Брата недавно застрелили. Пока он был жив, они вдвоём дневали и ночевали в том самом кабинете, где работала Соня. А после его похорон Соне дали комнату в чьём-то доме, потому что её брат погиб геройски. Раньше эта комната была кухней, а крыльцо было чёрным ходом. Это было очень хорошо, потому что не пришлось устанавливать плиту, стол и раковину, они уже были в комнате. Там соорудили только топчан, и теперь Соня и Мария спали вдвоём

на этом топчане. Дурень стал жить под крыльцом. Ему жилось в городе не очень сыто, но он терпел, потому что не мог жить один и потому что полюбил Марию.

Девочке выделили одежду – всю на вырост, но старую она не выкинула, а постирала и подлатала, где можно было подлатать. Соня хотела, чтобы Мария сразу же, осенью, пошла в школу, но девочка упростила её дать немного привыкнуть к Киеву и к русскому языку. Чтобы Мария привыкла быстрее, каждый вечер Соня при свете керосинки читала ей из толстой книги стихи – Пушкина, Лермонтова и Тютчева. Пушкин Марии нравился больше всех, потому что писал смешные сказки. Соня сама читала трудно, медленно, так что девочке было удобно слушать, она успевала услышать и узнать слова.

Рождество Соня не праздновала из принципа, зато в годовщину революции и на первое мая они с Марией шли в гости к сониному жениху и там вкусно ели и громко пели с товарищами. Мария слов не знала и подпевала только мелодию про себя.

Ей нравилось у Сони, и особенно нравилось, что ей снова стали говорить, что она красивая и славная девочка. Волосы, когда отмылись, оказались по-прежнему светлыми и мягкими, Мария научилась заплетать их в косы. А в зеркальце над раковиной она каждое утро видела, что глаза у неё голубые, как и раньше.

Летом Соня вышла замуж. Сначала Сонин муж Август спал на полу, а потом сделал отдельный топчанчик для Марии, возле самой плиты, а Соня перегородила комнату занавеской.

В августе Соня с Августом решили записать Марию в школу, но тут оказалось, что в шкапке, которую она принесла с собой в Киев, нет её документов – только бабушки Катри и бабушки Олеси. Тогда Соня и Август сделали Марии документы, и по ним Мария стала их дочкой. Так и стали жить.

Весной Марии прибавилось работы, потому что у Сони родился мальчик. Они втроем выбирали имя для ребёнка, и решили назвать Павликом, потому что Мария очень хотела, чтобы у неё был брат Павел. Мальчик получился очень похожим на Августа – беленьким, голубоглазым, – и Мария радовалась тому, что они с ним похожи на родных.

В школе она училась хорошо и завела подруг.

Павлик всегда ждал сестру после уроков, потому что ему нравилось идти с ней домой. Мария никогда не шла прямо по улицам, она проходила кругом, через парк. У неё образовалась такая привычка, когда ещё был жив Дурень. Он всегда ждал её во время занятий в парке. Потом он стал старый и умер, а Мария по-прежнему ходила через парк.

Павлик был первоклассник, а его сестра ходила в школу последний год и дальше собиралась пойти работать днём и учиться на вечернем. Это значило, что со второго класса он будет идти один. Павлик не очень огорчился, потому что думал, что тогда будет взрослее и как-нибудь сможет доходить до дому сам. Ему только было жалко, что сестра не будет читать ему на ходу стихи. Ему очень нравилось, как Мария читает. Голос у неё был негромкий и как будто немножко треснутый, но от него по коже шли мурашки. Даже дома папа с мамой просили ино-

гда Марию почитать. Книги со стихами девушка брала в библиотеке и всё, что ей попадалось, учила наизусть.

Мария вдруг встала на месте. Павлик посмотрел туда же, куда и она, и увидел, что там сидит высокий чернявый парень и читает книгу. Парень почувствовал взгляд и поднял глаза. Он осмотрел и Павлика, и Марию и широко улыбнулся; зубы у него были длинные и белые. Павлик рассердился, поняв, что улыбается парень Марии.

– Эй! Нечего скалиться! – крикнул мальчик и потянул Марию за рукав. Мария пошла, но теперь молчала.

– Бесстыжий какой, дивчине мимо пройти нельзя, – сердито сказал Павлик про парня. В этот момент сзади слышался топот. Чернявый нагнал Марию, забежал вперёд и пошёл перед ней, пятясь.

– Простите, только не подумайте плохого, но я очень хотел бы с вами познакомиться. Меня зовут Илья. И я – студент, учусь на инженера, – одним духом выпалил он.

Мария остановилась, а Павлик совсем рассвирепел.

– Иди отсюда, нахал! Она на улице не знакомится!

– Я вас очень хорошо помню, Илья, – сказала Мария. – А вы меня нет. Вы меня накормили селёдкой в двадцатом году. Здесь, в парке. Я тогда была бездомная и умирала с голоду. Павлик, не кричи на Илью, пожалуйста. Он спас мне жизнь.

Илья взъерошил волосы, вспоминая, что было восемь лет назад в этом парке.

– Значит, вам теперь восемнадцать... Маруся. И что же с вами было потом, после нашей встречи? А ваш пёс, куда он девался?

– Пёс умер, а меня удочерила комиссарка Соня, которая занималась детским вопросом. Это Павлик, её сын.

Мальчик не знал, что сестра ему не родная. Все кругом восхищались тому, как они похожи. А теперь оказалось, что мама Марию удочерила. Павлик поглядел на Марию и Илью как-то заново, по другому.

– Почему ты была бездомная? – спросил он.

– Война была, Павлик. Тогда много людей умерло. Моя семья тоже умерла, и мне пришлось оставить дом.

Павлик знал, что раньше была война, но у него никак не могло уложиться в голове, что Мария тоже видела войну, что она ходила без дома и без семьи и что её спас от смерти вот этот высокий нахальный парень. Ему вдруг захотелось показать, как он Илье благодарен, потому что он чётко почувствовал, что без Ильи у него бы не было сестры, той самой сестры, что воспитала его, мыла его с малолетства в жестяной ванночке, читала ему по вечерам стихи и штопала его чулки.

– Пойдёмте к нам чай пить, – сказал Павлик Илье, и всю дорогу стойко терпел, что Мария разговаривает только с чужим парнем, и тот шутит с ней и заглядывает ей в лицо. Павлик даже подумал, что Ильа и Мария красиво смотрятся рядом – оба стройные, высокие, длинноногие и длиннорукие, один чёрненький, а другая беленькая.

Свадьбу сыграли в конце лета. Со стороны Ильи пришли только товарищи, потому что его семья отказалась от него, когда он отрёкся от иудейской веры и объявил себя атеистом и коммунистом. Из-за ссоры с семьёй Ильа даже взял другую фамилию – Краснознамённый, и Мария теперь тоже стала Краснознамённая. Илье как молодому инженеру дали комнату в коммунальной квартире. Мария ушла с работы, потому что быстро забеременела и родила девочку, с такими же большими чёрными глазами, как у отца. Её называли Аней. Потом, когда Ане было пять лет, Мария родила ещё Катю. Павлик любил приходить играть с малявками, ему нравилась мысль, что из-за них он теперь дядя.

В том же году, когда Павлик – ставший теперь долговязым парнем – пошёл в армию, на Августа напали бандиты и убили его на улице. Ему не было и пятидесяти. Соня и Мария решили ничего Павлику не говорить, пока он не приедет. Соня взяла себе Катю, чтобы не жить одна. Аня уже ходила в школу, а Мария пошла на работу, она стала секретарём в университете, её устроил туда Ильа.

А потом война снова пришла. Ильи не было в городе, и это напугало Марию, потому что ей давно казалось, что все умирают тогда, когда она не смотрит. Она переждала бомбардировки, оделась с Аней, взяла немного вещей и пошла к Соне. Она хотела забрать приёмную мать и младшую дочь, чтобы пойти с ними на восток. Особенно важно было забрать дочь. Катя, как и Аня, была похожа на отца, любой понимал, глядя на девочек, что они – еврейского роду. Во время войны были еврейские погромы, Мария помнила это и хотела спрятать девочек ото всех.

Соня отказалась уходить в пригороды. Ей надо было оставаться на месте и спасать или уничтожать документы. Она собрала Катю и дала Марии с собой еды и денег.

Марии всё казалось, что город не выпустит их, но она с девочками прошла в пригороды, туда, где прошлым летом снимали дачи, и ничего не случилось. Ближе к вечеру из города на восток стали уезжать грузовики; Мария не глядела на них. Она дошла до дач, выбрала дом, где её мужа и дочерей ещё не видели, и договорилась с пожилой хозяйкой. Они с девочками сидели в комнате, даже когда совсем близко снова бомбили Киев, и выходили только ночами. Девочкам было скучно. Мария тихо читала им стихи, но стихи их отвлекали ненадолго. Тогда Мария рассказала им о войне – она не делала этого раньше – о том, как умирают от войны и как убивают на войне. Тогда девочки стали послушными.

Немцы взяли Киев. Еда у Марии скоро кончилась. Она потихоньку пошла в свою квартиру, чтобы взять вещи и обменять их на еду, но вещи уже кто-то взял, подумав, что Мария уехала совсем. Мария пошла к Соне. Сони не было, и, похоже, давно, но еда и вещи у неё оставались. Мария забрала всё, что смогла забрать, и с трудом, вся в страхе перед ограблением, донесла к ночи на дачу. Едой приходилось делиться с хозяйкой. Ели понемногу, стараясь растянуть на подольше, но уже было ясно, что придёт голод.

Иногда Мария думала о том, чтобы прийти к немцам и сказать им по-немецки: «Я – Мария из города Лемберга, я родилась в немецком городе, дайте мне работы и еды.» Она даже думала о том, чтобы спать с немецким офицером. Илья не вспоминался, как будто внутри она уже смирилась с тем, что он умер. Город, в котором он был в командировке, тоже был захвачен немцами.

Потом она услышала о расстрелах в Бабьем Яре и перестала думать о том, чтобы пойти к немцам. Девочкам она начисто сбрила волосы и смастерила мальчиковую одежду. Головы и лица она им плотно закутывала широкими самодельными бинтами, сквозь которые они еле могли видеть и дышать, и мазала эти бинты напротив рта и под глазами кровью, надрезав себе икру, чтобы взять крови. В таком виде они могли выходить на улицы днём. Шатаясь и двигаясь медленно, потому что бинты мешали смотреть, девочки искали дощечки, щепки и веточки. У хозяйки пока ещё было немного дров, но Мария знала, что потом дров не будет. Сама она по-прежнему ходила в город искать работу и, иногда, поменять вещь на еду. Так они вчетвером дожили до весны.

Весной хозяйка привезла от кумовьёв немного картошки и семян, и Мария с девочками стали сажать с хозяйкой огород. Мария думала о том, что сейчас, весной, они хозяйке нужны, потому что одной ей трудно справляться, а осенью станут лишними ртами, и бог знает, что тогда хозяйка сделает.

Летом ей удалось устроиться полумойкой у немцев. Мария заматывала голову и лицо платком, как иногда делали в степных сёлах, закутывала ноги плахтой и старалась, чтобы мужчины не замечали её. Ей везло. А может быть, в свои тридцать два года она подурнела от беспокойства и недоедания.

К забинтованным мальчикам, которых все звали Антоном и Костей, в пригородах призывали, их никто не трогал, даже немцы и немецкие помощники. Мария глядела на своих всё ещё живых дочерей и понимала, что кем-то расплатилась за то, что они не умерли. Расплатилась Соней и, наверное, Ильёй. Расплатилась Павликом. Может быть, Август умер перед войной для того, чтобы его неродные внуки выжили. Жизнь не могла быть оставлена им забесплатно, потому что всё было против их жизни.

Кругом угоняли людей на запад. Стоял голод. Простудившись, умерла хозяйка дачи, но за домом никто не явился. Мария похоронила старуху и стала жить хозяйкой. Мыться было трудно, надо было натаскать воды и дров, надо было работать, так что мылись частями, над тазиком. Мария нещадно скребла бритвой головы девочкам, чтобы не лез наружу курчавый еврейский волос.

Подожли советские войска. Немцы стали жечь город, потом на опустевших улицах Киева завязались бои, и вдруг немцы ушли из города, ушли надолго или навсегда. Мария не знала, как ей теперь быть с работой, где искать еду, и всё же каждый раз находила что-нибудь. Её тело отощало, груди высохли и опали, и глаза приобрели полубезумное выражение загнанного зверя. Немцы ещё раз пошли на Киев и ушли. Следом за немцами ушли советские войска, и Мария поняла, что она и её дочери точно выжили. Она собрала девочек, и они пошли в Сонину комнату. Удивительно, но комната стояла по-прежнему пустая. Замок в двери был выломан, вынесены, видимо, на дрова топчаны, стол, стулья и полку с книгами. И плита, и жестяная ванночка, и даже керосиновая лампа остались, словно никто не догадался, что их можно менять на базаре

или приспособить к хозяйству. В углу лежал альбом с фотокарточками, словно кто-то пожалел жечь человеческие лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.